

# ТЕАТР ОЧИЩЕНИЯ



СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

АЛЕКСАНДР ГОБХ

18+

Александр Гобх  
**Театр очищения**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

## **Александр Гобх**

Театр очищения / Александр Гобх — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Ричард Норрис – амбициозный парень, который мечтает стать актером большого театра. Однажды ему приходит письмо с приглашением в «Театр очищения» на одну из главных ролей в пьесе «Чистые души». Переполненный уверенности в себе, он отправляется на прослушивание. Члены жюри оказываются на редкость неприятными личностями. Они насмеваются над его актерской игрой, и Ричард решает уйти. Но ему не позволяют сделать это. История, которая произошла после, заставила бы главного героя любой ценой уничтожить это место со всеми его обитателями раз и навсегда, но... Александр Гобх - человек черпающий вдохновение из сновидений. Содержит нецензурную брань.

# Содержание

Акт 1	6
Акт 2	12
Акт 3	17
Акт 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

# Александр Гобх

## Театр очищения

*Искусство есть такая потребность для человека, как есть и пить. Потребность красоты и творчества, воплощающего ее, – неразлучна с человеком, и без нее человек, может быть, не захотел бы жить на свете. Ф. Достоевский*

## АКТ 1

“Нам необходимо духовное очищение. Если бы не оно, мир давно бы сошел с ума. У каждого есть свои проблемы – кто-то ищет утешение в вечном алкогольном забвении, кто-то растворяет их в любви или ненависти. Я же предпочитаю полностью отдаваться искусству. Лучшим направлением в искусстве я всегда считал театр. Еще с детства меня завораживали обширные залы, стены которых обиты архитектурой итальянского Ренессанса. Я сидел у подножья кулис и восхищался, насколько величественно они возвышались. Такие высокие, скрывающие за собой совершенно другой мир. Энергетика публики, кричащей от радости после выступления, погружала меня в приятный транс, от чего хотелось плясать. Главное отличие театра от фильмов или книг, так это то, что все тут происходит вживую. Ты буквально чувствуешь эмоции актера на своей шкуре. Как если бы Носферату терзал свою жертву в двух метрах от тебя. Из театра я выходил опустошенный от всей грязи, что пачкала мою душу, и наполненный уверенностью и теплым потоком радости. Тот, кто переступил порог театра, прежним уже не выйдет. Частичка тебя будто остается в нем навеки. Но необходимо подпитывать эту часть себя, иначе гармония пропадает и ты начинаешь забываться. Мир фантазий, избавляющий людей от страданий. Ха, что может быть лучше? Единственный способ обретения постоянного счастья через искусство, понял я, это слиться с ним. Стать непосредственным участником. Стать актером большого театра. Такова задача Ричарда Норриса, такова моя задача”, – подумал Ричард, смотря на красный огонь светофора, и улыбнулся.

Уверенность дергала его глаза с одного человека на другого. Зеленый. Поток людей двинул по пешеходному переходу. “Все равно красный цвет рано или поздно сменится зеленым. Сегодня мой день, наконец-то я получу главную роль!” – осознание, что ему больше не придется играть в массовках или второстепенных персонажей, пробежало по его телу. Он достал из кармана письмо, которое пришло по почте сегодня утром, и прочел надпись на нем – «Чистые души». Получение главной роли в пьесе, о которой он ни разу не слышал, все равно внушало надежду на дальнейший карьерный рост. Может, его заметят на сцене так же, как заметили представители театра, приславшие это письмо, думал он. Однако вызывал сомнения тот факт, что никакого сценария ему не прислали. Оправдывалось это тем, что авторам письма была необходима импровизация на сцене. Нестандартно, однако в этом Ричард был мастак.

Заметив бездомного, Ричарду захотелось дать ему несколько монет. Он уже рылся в поисках мелочи, но его внимание привлек трехэтажный дом напротив. На его углу была дверь, табличка на которой гласила – “Ткани”. “Странно... Тут, кажется, должен быть театр. В письме указан именно этот адрес.” Ричард посмотрел вверх. Снаружи здание больше напоминало жилое, чем театр. Окна казались искаженными и напоминали неправильный параллелограмм. Ричард представил, как открывает дверь, а за ней грязный подъезд, или того хуже – магазин тканей. Хоть бы это было не так, подумал он и зашел в помещение. Стены, обвешанные разноцветным шелком, смотрели на него. За прилавком сидела женщина лет семидесяти и, сжав ладонями стакан, пила чай. Она поприветствовала его и спросила:

– Чего желаете?

“Желаю порвать эти сраные тряпки в клочья. Если ты надеешься устроишься на работу по пригласительному письму непонятно от кого, будь готов к чему угодно.”

– Нет, извините, я, кажется, ошибся. – сказал Ричард и начал проклинать автора письма. – Не знаете, я ищу театр, тут раньше был театр?

Старуха промолчала. Ричард достал из кармана конверт и сказал, что его пригласили на главную роль в пьесе «Чистые души», но, видимо, перепутали адрес, или, возможно, кто-то над ним подшутил. Странно, если это второй вариант, ведь над ним некому шутить. Даже если это ребята, с которыми он познакомился за время работы в других театрах, зачем им делать

подобное – Ричард не понимал. Старуха пошла к кассовому аппарату. “Кажется, мне пора”, подумал он и было хотел развернуться, как она спросила:

– Зовут-то тебя как?

– Ричард, – ответил он машинально, словно в надежде, что ответ должен был на что-то повлиять. Не желая с ней знакомиться, он на прощание махнул конвертом в руке.

– Так-так, – она открыла тетрадь и провела пальцем по списку. – Ричард Норрис, я полагаю?

Желание уйти покинуло его.

– Мы знакомы? – глупый вопрос – он определенно знал, что они ни разу не виделись.

– Нет, но Вы в списке, как актер. У Вас сегодня прослушивание. Пройдемте за мной, – сказала она и захлопнула тетрадь. Старуха подошла к прямоугольному полотну розового цвета и отдернула его как штору. За ней была дверь. От удивления брови Ричарда поднялись вверх.

– У нас не совсем обычный театр, – сказала она и открыла дверь. А там – растворились во тьме ведущие вниз ступеньки. Женщина нажала на выключатель – и лампы осветили красные стены, украшенные золотистым орнаментом.

– Я понимаю, как это выглядит. К сожалению, это все, что осталось от когда-то великого театра под землей, – заявила она.

– Попрошу объяснить, – Ричард дал понять, что далее не пойдет за ней. В голове начали всплывать образы из цирка уродов. Он, конечно, хотел получить главную роль, но в подобных мероприятиях участвовать отказывался. Театр – это, прежде всего, искусство, а не насмешки над инвалидами.

Она рассказала про древний театр под землей, о котором, конечно же, никто не слышал. О том, что в 1913 году там выступали самые знаменитые актеры того времени, но, к сожалению, театр обанкротился. “Во времена войны, знаете, было не до зрелищ”, – говорила она. Так и простоял театр заброшенный и никому не нужный вплоть до 1949 года, пока не объявился новый владелец, мистер Картер, с новым взглядом на принципы театральных выступлений. И сегодня он набирает людей для своей новой пьесы которая вытащит заведение из банкротства навсегда.

Красивая история, странно, что я о ней не слышал, подумал Ричард. Помимо пяти лет обучения в университете, последние несколько месяцев он изучал все, что касалось существующих и давно заброшенных театров, ставших исторической ценностью страны. И тот факт, что последний театр, в котором он еще не облажался, находился на глубине тридцати метров под землей и собирал необразованных новичков актерского мастерства, заставил Ричарда смять конверт в кармане. Театры под землей встречались ему и раньше. Однажды в таком театре он пытался получить эпизодическую роль палача, отрубаящего голову главному герою. Однако здание театра выглядело совершенно иначе, чем подвалы в магазине тканей.

– Если хотите, могу показать все лицензии на подземные строения. Все легально. Идем, тебя уже все ждут, – пробормотала старуха и пошла вниз по ступенькам, оставив Ричарда наедине с разноцветными тряпками. Дверь выхода колыхнулась и зазвенел колокольчик. Сквозняк. Не совсем то, чего он ожидал. От этой мысли стало не по себе. Он посмотрел на дверь, вздохнул, и двинулся за старухой с мыслью – “Хуже все равно уже не будет”. Как же он ошибался.

– Стены вышиты вручную? – это первый вопрос, что пришел в голову.

– Разве не заметно? – рассмеялась она. – Конечно. Вы думаете, зачем нам магазин тканей сверху? Новый хозяин решил обшить стену, чтобы, спускаясь, зритель получал эстетическое удовольствие и располагался к предстоящему выступлению.

– Это, конечно, правильно, но не замечаете? Спуск достаточно крутой и узкий. Это неудобно и небезопасно, особенно, если зрителей – сотни.

– Конечно, Вы правы, но люди могут входить по-разному.

– В каком смысле? – Ричард обернулся посмотреть, не захлопнул ли кто за ними дверь.  
Нет.

Женщина некоторое время молчала, потом ответила.

– Это ведь не единственный вход и выход, – издав смешок, словно через силу.

Было видно, как эта тема ей не нравилась и Ричард решил замолчать. Место формировало в голове множество вопросов, удержать от которых рот стало невозможно. К примеру, зачем вход в театр закрывать тканью? Или почему театр находился в подвале магазина?

– Сколько тут помещается человек? – он хотел задать совершенно другой вопрос, но вылетел этот.

– Человек? Около ста двадцати.

“Не густо”, подумал про себя Ричард. Однако, это последний шанс начать карьеру, так что перебирать вариантами он не стал. Ступеньки все не заканчивались, и наконец в метрах двадцати показалась двухстворчатые двери, стоявшие внизу как финишная черта, переступив за которую ты либо выиграешь, либо проиграешь.

– Вы нервничаете? – спросила женщина, но Ричард не успел ответить. – Это нормально. Актеры должны нервничать, вдруг попадетя подходящая роль, – сказала она и Ричард улыбнулся. В какой-то момент ему показалось, что этими словами она хотела передать совершенно другую мысль. Дойдя в самый низ до дверей, они остановились.

– Вам тут понравится. Желаю удачи на прослушивании, – сказала женщина. Теперь ее ждал долгий путь наверх.

– Спасибо, – машинально ответил Ричард. – А дальше-то куда? – ожидая, что за дверью будет длинный коридор, спросил он.

– Вы уже на месте, – ответила она.

Ричард распахнул двери.

Перед ним появился громадный театральный зал, в котором могло поместиться около пяти, а то и семи сотен человек. Не совсем то, что ожидаешь увидеть, спустившись под землю на тридцать метров. Словно это место было спроектировано чьей-то не очень хорошей фантазией. Деревянные балки вдоль стен подпирали потолок – видимо, для предотвращения обвалов. Обычно такие вещи скрываются за стенами, но не тут. Однако стоит отдать должное – сцена выглядела отлично. Точно образ из детства, внушающий приятные воспоминания. Внутри пахло лекарствами, и непонятно почему. На сцене стоял толстый парень в обтягивающем его тело костюме принца с поднятыми вверх руками и выкрикивал: “О, Брат, как ты посмел, любовь моя, только мне принадлежит”. “Интересно, как этот новый директор решил вытащить театр из банкротства такой нудятиной? Может, директору виднее, но, ей-Богу, прошлый век”, подумал Ричард. Видимо, парень тоже пришел на прослушивание. Играл он довольно нелепо, так что Ричард на его фоне вдохновился. “Одним соперником меньше”, подумал он.

Ричард подошел к передним рядам, где сидели несколько человек. Переговариваясь между собой, они выраженно жестикулировали, явно обсуждая парня на сцене. Ричарду стало не по себе, и он присел на кресло соседнего ряда. В понимании Ричарда, «жюри» (так он их называл) смотрели за выступлением, потом холодно говорили:

– Хорошо, следующий.

Ему стали интересны причины столь яростного обсуждения в сторону полного парня. Может, они нашли того, кого искали, а ему, как обычно, достанется второстепенная роль? “Я не хочу этого, и мне все равно на славу и популярность – я хочу играть сложных персонажей, хочу личностного, творческого роста, а все остальное придет”, оправдывался он перед собой, хотя уцепиться за лакомый кусочек театрального гонорара все же хотелось. За кулисами он заметил человека небольшого роста, возможно, карлика в темном капюшоне, который мелькнул, как искра, и исчез. Мысли о цирке уродов вновь возникли в его голове. “Все это странно, я ведь

должен стоять за кулисами и ждать своего выхода”, думал он и не замечал, как все время на него смотрел один из членов жюри, пока другие продолжали обсуждать актера на сцене.

– Что вы тут делаете? – спросил его мужчина с ряда напротив. Видимо, работа в театре действительно плохо оплачивается, раз он такой худой.

– Я Ричард Норрис. Мне пришло письмо, в котором было сказано что я гожусь для главной роли.

– Да, точно, я Гектор, – он протянул перебинтованную руку Ричарду. Они поздоровались, Гектор обернулся и посмотрел на своих коллег. Один из них кивнул ему, и Гектор поднял кулак.

– Стоп! Бен, ты молодец, – сказал он. – Ричард, на сцену.

Звучало это как приговор. Он снял куртку с небольшим тремором в руках. Такое бывает перед выступлением, но как только войдешь в роль – это пройдет. Спускаясь, Бен перецепился и упал, чем вызвал смех у всех членов жюри кроме Гектора. Казалось, что он сейчас расплачется. Ричард понял – сегодня ему будет непросто.

– Бен, хорошо выступил, – обратился Ричард.

После этих слов Бен улыбнулся и пожал ему руку. Видно, что парень слабохарактерный, рановато ему выступать в серьезных образах. От этого трагедия только превратится в комедию. Один из членов «жюри», посмотрев на Ричарда, закатил глаза и помахал головой повернувшись к коллегам.

– Мне не нужно переобуться? – спросил Ричард.

– Нет, парень, тебе нужно только выступить, – сказал один из них и показал пальцем на сцену.

Гектор присел. Стыд за грубость коллег читался в его глазах. Вполне возможно, что «жюри» немного выпили, отсюда и подобное неуважение, думал Ричард. Он поднялся на сцену. Только бы не перецепиться! Сцена настолько усеяна подобием рельс, уходящих за кулисы, что выступать было бы удобно только стоя на месте – и то не факт. Как Бен умудрялся тут свободно передвигаться, да еще со своим-то весом?

Словно босиком по камням, он пробрался в центр сцены. За кулисами стояло несколько скелетов будущих манекенов или скульптур, нижней частью подсоединенных к рельсам. В дальнейшем на палки наносился мрамор или бетон, после скульптор высекал удивительные формы, превращая безжизненный скелет в произведение искусства. Но зачем они тут, в театре? Ведь заготовки как правило должны находиться там, где производят манекены. Неужели у них есть собственный скульптор?

– Как мне выступать когда... – не успел он закончить, как его перебили. – Ты – маленькая девочка, которую загнал в угол убийца.

Ричард уже сталкивался со многими представителями театра и встречал наглецов похуже. Также ему приходилось выступать в подобных пьесах жанра ужас. Так что задание не показалось ему странным. Однако вряд ли Ричард подходил на роль маленькой девочки. “Возможно, очередная издевка, проверяют меня на прочность. И не с такими работали”, подумал он и присел, прижав колени руками к груди.

– Нет, мамочка, помоги мне, – пытаюсь спародировать писклявый голос маленькой девочки, Ричард качался из стороны в сторону. Его губы скривились, а глаза начали слезиться. – Нет, нет, пожалуста, – он специально пропищал слово неправильно.

Гектор опустил голову.

– Bravo! – похлопал наглец, сидящий рядом с Гектором. – Такой подход возродит театр! Не терпится посмотреть на тебя в разгаре пьесы! – говорил он.

Остальные (кроме Гектора) только подтверждали его слова кивками. “Кажется, этим наглецом был Картер, о котором рассказывала та женщина в магазине тканей”, – подумал он. К похвале Ричард отнесся холодно.

– А теперь изобрази физическую боль от голода. – Картер встал, на его лице виднелось возбуждение, словно он нашел кого хотел.

Но Ричарду казалось, что он проходит собеседование на должность проститутки. Все-таки это лучше, чем ничего, если в итоге это куда-то приведет. Он прилег на сцену, держась за живот, и тяжело задышал.

– Больше боли!

Застонав, Ричард начал дышать глубже. По правде говоря, боль он чувствовал реальную. Железные рельсы давили ему на плечо так, что рука потихоньку начинала неметь.

– Больше, я хочу больше, – глаза Картера пропитались одержимостью к актерскому мастерству Ричарда.

На мгновение Ричард поверил, что умирает от голода, и мысль – «А я не так уж плох!» – мелькнула в его сознании. Но стоило ему поверить в себя, как все, кроме Гектора заржали, как завсегдатаи пивных баров. Смех имел глумливый характер – настолько, что Ричард обернулся от чувства, что за его спиной кто-то стоит. Но, кроме заготовок декораций и различного инвентаря, никого не было.

– Нет, мамочка, помоги мне, да, Гектор? – один из них перекинул Ричарда и несильно ударил Гектора по плечу. Тот никак не реагировал, а лишь глубоко вздыхал. Ричард поднялся и уставился на них. Смех не утихал. Если они хотели пристыдить Ричарда, то на мгновение у них это получилось.

– Я, конечно, всякого повидал, но это уже перебор, – сказал Ричард.

“Зажравшиеся ублюдки. Если они думают, что я буду это терпеть, то они ошибаются”, подумал он и спустился со сцены. Картер стал напротив, перегородив путь.

– Никуда ты не пойдешь, – заявил грубиян.

Его голос все еще излучал ехидность. Ричард отступил влево, чтобы обойти его, но Картер взял его за плечо. – Я сказал, никуда ты не пойдешь, – теперь его голос звучал зловеще. Лицо сделалось серьезным и он отпустил плечо Ричарда. Насмешки со стороны коллег тоже исчезли.

– Ты ведь актер, Ричард, вот и актерствуй, – он указал на сцену. Ричард краем глаза заметил, что его окружили со всех сторон. Голова в этот момент перестала думать. Выход был один – бежать. Ричард рванул через ряды кресел, так как остальные пути к отступлению были перекрыты. Только он запрыгнул на сидение, как Картер и его люди, словно псы, набросились на него. Картер ухватился за ногу Ричарда. Бедный упал, ударившись ребрами о спинку кресла. Пока он пытался отбиться от хватки Картера второй ногой, пытаясь попасть ему в голову, псы пробирались через ряды сидений, пока в какой-то момент их холодные руки не вцепились в его тело. “Это конец”, мысль гвоздем вбилась в голову. “Куда я ввязался? Зачем? Придурок”. Ричард закричал что есть силы и начал вырываться. Но вырваться из хватки трех человек – все равно что выйти из сонного паралича – чем сильнее сопротивляешься, тем дольше в нем останешься. Ричард чувствовал себя беззащитной собачкой в руках жестоких подростков, которые хотят отрезать ему лапку.

– Ты будешь лучшим актером нашего театра, – произнес Картер и вынул из заднего кармана шприц. Где-то вдалеке послышался звук раскалывающейся доски. – Держите крепче, – двое человек вцепились ему в руки и ноги. Картер оголил иглу и соединил со шприцом.

– Нет! Что вы делаете? Я рассказал, куда иду, всем друзьям. Если я исчезну, за мной сразу же придут. Отпустите меня, я никому не скажу.

Ричард изо всех сил дергал ногами, но хватка оставалась мертвой. Отломав головку ампулы, Картер набрал полный шприц. Пару раз брызнув через иглу, чтобы избавиться от пузырей воздуха, он сказал:

– Неужели ты думаешь, что мы выбираем людей с друзьями?

Шприц вошел в кожу шеи как шило. Он вдавил шток шприца и жидкость с молниеносной скоростью растеклась по венам.

– Приятно иметь с вами дело, – сказал он и вытащил иглу из шеи.

Свет начал пропадать из сознания.

– Ты станешь великим актером, я отдам тебя в руки лучшего режиссера и все узнают, что такое «театр очищения», – говорил с восхищением мутный силуэт, пока не уплыл во тьме.

## АКТ 2

“Где я?” – в ушах нарастал шум, как под водопадом. Расфокус в глазах давал рассмотреть едва уловимые точки света. “Зуд в ногах просто невыносимый, Боже, что происходит? Почему мое тело не двигается?” – Ричард попытался закричать но ничего не вышло. Он боялся задохнуться от страха, поэтому старался не упускать возможности вдохнуть как можно больше воздуха. Закрыв глаза, он видел все те же огни. Они сияли и переливались, от чего голова шла кругом. И этот запах, словно лежишь в куче дохлых крыс. Его желудок не выдержал и выбросил через рот утренний завтрак. Когда ты блюешь в неизвестность, становится еще хуже. Единственное, что было понятно, так это, что его тело находилось в вертикальном положении.

Он прищурился и смог разглядеть людей. Кажется, они рукоплещут ему. Такие нарядные, как куклы на выставке. Причудливые парики чуть ли не слетали с их голов от столь яростных аплодисментов. Оживленные лица в зале требовали выступления. Раздался тихий механический звук под мышкой похожий на треск зубов друг о друга. Рука Ричарда поднялась вверх и неуклюже, точно как марионетка в руках плохого кукловода помахала людям в зале. Шум усилился. Кто-то свистел, а кто-то неразборчиво кричал. “Какого черта?”. Это не было его волей. Он был одет в жюстокор с белыми бантами на манжетах. На голове – тюрбан с белым пером. Принц махал со сцены, а зал ему рукоплескал. Не об этом он мечтал, когда поступал на актерский факультет. В глазах каждого, кто сидел в зале, виднелось предвкушение. Некоторые люди доставали бинокли и устраивались в креслах поудобнее. Сейчас будет выступление.

– Помогите. Пожалуйста, – прорезался едва слышный голос. Но зал лишь продолжал шуметь и восхищаться. Его рука опустилась, и по щеке потекли слезы, смешиваясь с неуклюжим гримом.

Наконец народ замолчал. Только эхо от безжалостного мычания Ричарда разносилось по залу, акцентируя внимание зрителей на центр сцены. Зрение почти восстановилось, и он смог полностью охватить взглядом зал и увидеть своих фанатов.

– Зачем? – спросил он публику хрипящим голосом, ответом была тишина.

В зале погас свет. Свечи хрустальной люстры медленно тухли. Казалось, эта люстра – единственный проблеск прекрасного среди мрака. Он представлял себя этой люстрой – такой беззаботной, отдаленной от здешней обстановки – пока не начал бесшумно отдаляться от публики вглубь сцены.

– Нет, нет. Отпусти меня, – прохрипел он в темноту, но ничего сделать не мог.

Люди из зала перешептывались между собой. Щелчок. На полу театральной площадки появился круг света. Классическая музыка повышала давление. Сладкими как мед нотами, безмятежная мелодия заглушала страх, от чего на висках пульсировали вены. На свет вышел человек в черном костюме.

– Эй, помогите мне, пожалуйста, – Ричард уже не верил в то о чем просил, но слова все равно вырывались из его рта.

Человек поднял правую руку так, словно держал в ладони сферу, а левую прислонил к груди. Представление начинается. Оперный голос величественно прозвучал на весь зал, и казалось был слышен старухе в магазине тканей. Тенор певца был превосходен, казалось, лучше слышать не приходилось. Обжигающие неприятные муравьи пробежали по затылку Ричарда.

– Люблю я девочку свою, никогда ее не отпущу. Ангел во плоти, что греет душу мне. Кровь родная, что хранил как камень драгоценный, сбежала от моей заботы, – он отходил спиной назад к Ричарду и круг света пятился за ним. – И теперь не видеть мне покоя, пока не верну утраченное мною сокровище, – подъехавшее к Ричарду тело продолжало петь.

Он увидел привязанного к манекену темнокожего мужчину в удлиненном смокинге. Кожа на его лице была покрыта лопнувшими волдырями. Разорванный рот, привязанный к

механизму открывался и закрывался в такт словам песни. Круг света перешел на Ричарда и ослепил его.

“Это сон, гребаный кошмар который сейчас прекратится”, думал он, зажмурив глаза и пытаясь пошевелить конечностями, которые даже не думали двигаться. Открыв глаза, осознание вылилось на него, как ведро ледяной воды. Кошмар не закончился. Как и этот темнокожий певец, он был вплотную привязан к скелету манекена, который он видел за кулисами. Ричард посмотрел на ноги бедолаги, которые перемещались по рельсам с помощью маленьких колес. Не могло уместиться в голове, что нечто подобное в принципе возможно. Этого просто не может быть! Он заорал во все горло, но вырвались лишь едва ли слышные хрипы. Тогда он заорал еще раз, и голос совсем немного прорезался. Ричард выбился из сил. “Неужели я закончу, как этот парень?”, подумал он. “Может, я тоже должен быть мертв и то, что я очнулся было ошибкой?”. Эта мысль пугала его еще сильнее.

– Она как лист в огне, я не отец, если не могу уберечь ее, – последнюю ноту певец растягивал, пока не погас свет и не зашумели аплодисменты.

Где-то за стенкой тихо затрещали шестеренки и манекен потащил Ричарда за собой. Опять. Куда? Зачем? Через некоторое время он почувствовал резкое торможение, которое символизировало прибытие в точку назначения. Его не покидало чувство, будто за ним кто-то наблюдает. Оно исходило из вполне конкретного места, куда он и повернул голову. Хоть ориентироваться в пространстве в такой темноте сложно, он знал, что в той стороне находился зал. Но не публика вызывала у него это чувство, а что-то намного ближе.словно прямо перед лицом дышал призрак. Свет. На него смотрела посиневшая голова женщины. Рот ее был слегка приоткрыт, а мертвый взгляд пронзал Ричарда насквозь. Она была так же привязана к манекену. На мгновение показалось что под нарядным платьем ее грудная клетка надувалась и сдувалась. Но все это было не более чем иллюзией – девушка не могла дышать, она мертва. Лицо казалось ему знакомым хоть он понимал, что видит его первый раз. “Нет. Боже, это ведь... Актриса театра, в котором я месяц назад проходил прослушивание”, подумал Ричард и отвернулся. Его легкие сделали резкий выброс воздуха. В памяти возникли фрагменты, как девушка танцевала балет в том же платье, что и сейчас, и как было бы здорово пригласить ее куда-нибудь после выступления. Как он волновался, обдумывая с какой стороны начать диалог, и как не смог решиться даже подойти к ней. Ричард заплакал, и круг тусклого света направился на них. Когда не можешь вытереть себе сопли, чувствуешь себя еще более беспомощным. Слева от них стояли декорации ночного причала. Луна – большая, как во время суперлуния – освещала их костюмы. Мягкая мелодия скрипки очаровывала зал и заставляла публику умиляться.

– Мы с тобой в этом мире одни. Все оставила я позади. И никто никогда не разлучит нас, – запела девушка, и влюбленная пара взялась за руки. Они двинулись вдоль причала. Ричард отчаянно закричал, но его голос все еще тихо хрипел.

– Идет голова кругом от любви моей к тебе, Луиза, – раздался мужской голос и рука Ричарда непроизвольно коснулась локтя девушки. Она приблизилась к нему, коснувшись плечом его плеча.

– Что за волшебная ночь! Я хочу таять в твоих объятиях вечно, – вновь пропел голос Луизы.

Ее руки касались талии Ричарда и продвигались к спине. Когда руки достигли лопаток, ее плоть крепко прижалась к нему. Он поднял подбородок как можно выше, чтобы не видеть того, что сейчас происходит. Голова ее находилась на одном уровне с головой Ричарда. Холодная щека коснулась его шеи и прижалась сильнее. Он зажмурил глаза и пытался игнорировать морозец, пробегающий по коже. Холод растекался по его позвоночнику, словно тающий кубик льда. Подбородком он мог оттолкнуть ее голову, но вместо этого он ждал, пока все закончится, в противном случае пришлось бы прикоснуться головой к клочку её грязных волос. После

подобного, никакого даже намека на чувство влюбленности, всю оставшуюся жизнь, человек испытать не сможет.

– Кто это тут у нас? Красавица и чудовище, – сказал хриплый голос.

Наконец тело девушки отлипло от Ричарда. Из-за угла декораций выехали четыре тела в шляпах-треуголках и потрепанных майках. У нескольких из них полностью отсутствовала нижняя часть туловища. Под дырявой одеждой можно было рассмотреть торчащие из под ребер легкие. Они так же, как и все, кого видел на сцене Ричард, передвигались по рельсам.

– Отдай нам принцессу и ты не пострадаешь, – пригрозил саблей бандит, дергаясь, как поломанный маятник метронома. Его тело привязали к манекену только хребтом, а руки согнуты как у глиняных фигурок пиратов.

Ричард расставил руки в стороны, закрыв собой Луизу.

– Только через мой труп, шайка мерзких крыс, – заявил он.

– Ах так, покажите ему, парни, – сказал бандит.

Они окружили влюбленных. Один из разбойников выцепил девушку и обнял. Остальные набросились на Ричарда. Они били его ногами и руками. По крайней мере, так должно было казаться публике. Выглядело это достаточно неуклюже, Ричард никакого урона не получал. Его манекен согнулся в ногах и опустил Ричарда на пол.

– Что это за безумие?! – проорал Ричард во все горло и музыка затихла. Куклы замерли. – Помогите! – закричал он. Возбужденные обсуждения воцарились среди публики.

– Зачем ты кричал? Идиот. Идиот! – он слышал, как в зале начали говорить о нем. Он точно знал, что о нем. Он ждал чего угодно с их стороны, но только не обсуждений. Тело Ричарда свела судорога. Он молил, чтобы выступление продолжалось и его никто не заметил. Музыка вновь заиграла.

– Оставим мы тебя в живых, чтоб страдал ты от любви неразделенной, – сказали бандиты и скрылись с Луизой на руках за декорации.

– Нет, Луиза, нет, без тебя мне жизни не видать, – Ричард поднял руки вверх.

“Нужно действовать или я свихнусь. Может, я уже свихнулся? Нет, я помню, как этот ублюдок вколол мне что-то в шею, наверняка я сейчас накачен по уши”.

Ричард медленно отъезжал за кулисы под аплодисменты. Он остановился возле еще одного манекена с привязанным к нему человеком. На его голове красовался тюрбан, обвешанный разноцветными украшениями, а тело одето в форму военного восемнадцатого века. “Выглядит этот парень очень знакомо. Это Бен! Тот самый парень, что поскользнулся и упал на глазах у этих... тварей. А я ведь думал с ним познакомиться. Черт, нужно валить отсюда, а не то закончу как он”.

Дергания конечностями ни к чему не привели. Плотно завязанные узлы джутовой веревки вокруг рук сдерживали любое напряжение. Он пытался пошевелить пальцами, но руки полностью онемели. Если ничего не делать, кожа покроется гангренами, и тогда шансов на спасение уже не будет. Вдруг Бен открыл глаза так, словно очнулся от кошмара. В груди появилась частичка надежды.

– Что происходит? Где я? Я хочу домой, отпустите меня. Отпустите! – он кричал и панически всасывал в себя воздух.

– Тише, Бен, а то они услышат, – говорил Ричард.

– Что ты со мной сделал? – недоверчиво крикнул Бен. Манекен шатался от рывков его тела.

– Посмотри на меня – я точно в такой же ситуации.

От этого легче не стало.

– Попробуй вырваться, – сказал Ричард.

Зыркнув на него, Бен выдохнул и продолжил раскачиваться. Вперед, назад, вперед, назад. Крепление манекена постукивало о рельсы, так, что казалось, сейчас сломается или сойдет с них.

“Пожалуйста! Пожалуйста!”, молил про себя Ричард, смотря на выбивающегося из сил Бена. Бен остановился и напряг руки, пытаясь сломать железные прутья, к которым они были привязаны. Это было похоже на потуги хилого мальчика оседлать тренажер для сведения и разведения рук с максимальным весом. Пот стекал по его лицу, попадая в рот и глаза. Бен расслабил мышцы.

– Нет! Не получается у меня! – лицо Бена скривилось, а дыхание участилось.

– Я не должен был здесь оказаться. Почему я? Так и знал, что подобное произойдет. – он дышал, словно пес в самую солнечную погоду затем закашлялся так сильно, что, казалось, сейчас отхаркнет капли крови. Ричард хотел спросить, все ли с ним хорошо, но посчитал вопрос глупым в таких обстоятельствах.

– Бен! – Ричард обратил внимание Бена на себя, когда слушать бессмысленный треп стало невозможно. Глаза Бена переполнялись страхом. – Успокойся, – постарался вразумить его Ричард. Бен снова закашлялся, на этот раз сильнее. Говорить с ним было невозможно. Оставалось ждать, пока он успокоится сам.

– У меня астма. Помоги, – прохрипел Бен и продолжил кашлять.

Ричард почти ничего не знал о природе этой болезни и о ее лечении, кроме того, что требуется ингалятор и спокойствие, которые достать сейчас было так же просто, как пошевелить руками. И то, он где-то слышал, что это все выдумки, и ингалятор распыляет воду, которую вдыхает больной тем самым успокаивая себя эффектом плацебо. Нужно было действовать. Ричард не хотел потерять, возможно, единственного выжившего в этом месте человека. Вдвоем шансы на успех хоть и мизерные, но удваиваются.

– Я врач, – слова вырвались из его рта, не раздумывая. – Успокойся, дыши носом. Вдох, выдох. – Ричард применил всю силу актерского мастерства.

Бен его игнорировал. Никогда ему еще не было так страшно за чужую жизнь.

– Послушай, Бен, мы выберемся отсюда, тебе нужно только успокоиться, – умолял его Ричард. – Ты должен прислушаться ко мне и все будет хорошо. Слышишь?

Бен кивнул и засопел.

– Слушай внимательно. – Ричард говорил почти по слогам. – Сосредоточься на дыхании. Вдох и выдох. Медленно, вдох и выдох, – казалось, единственное, что мешало дышать спокойно – это сердце, которое било как пулеметная очередь. – Дыши ровно и все будет хорошо. Открой глаза.

Бен прислушался.

– Видишь? Все хорошо, Бен. Посмотри на меня, все будет хорошо.

Ричард понял, что выглядит, мягко говоря, не воодушевляюще. Нужно менять тактику.

– Бен, повтори: “все хорошо”, – улыбнулся Ричард, и ему стало не по себе от лжи и фальшивой улыбки. Хорошо явно не будет, и он об этом знал.

– Все хорошо, – Бен кивнул, закрыл глаза и начал проговаривать эту фразу из раза в раз.

– Вдох, – сказал Ричард, и Бен вдохнул полную грудь воздуха. – Выдох, – и Бен выдохнул.

– Видишь? С тобой все в порядке, – сказал Ричард. Бен кивнул, дав понять, что отходит. Теперь, с облегчением, выдохнул и Ричард. Секундное облегчение дало надежду на спасение. В голове появлялись картинки, как в самый ответственный момент астматик начнет задыхаться, тем самым выдаст их, или того хуже погубит.

– Что тут происходит? – спросил Бен, уставившись на разбойников укравших принцессу. Они решали, какой выкуп будут просить у ее отца.

– По всей видимости, нас похитила шайка психов и мы играем в их пьесе против собственной воли.

– Охреть... охреть... Я на такое не подписывался. Нужно валить отсюда! Скорей.

– Бен! Мы свалим отсюда, но нужно вести себя тихо. Может, мы и не должны были выжить. Понимаешь?

– Ооо, – его голос задрожал еще сильнее. – Ты хочешь сказать, что живые тут только мы?

– Да.

Бену за кулисами не было видно полного людей зала и Ричард решил умолчать об этом факте.

– Вот черт, – сказал Бен и посмотрел на неуклюже пляшущего разбойника.

– И они управляют нами при помощи этих хреновин, к которым мы привязаны? – казалось, что Бен спрашивал себя. – А кто они? – он опять спросил себя.

– Если бы я только знал, – ответил Ричард.

Движения разбойников казались Бену очень знакомыми. Он уставился на них, словно чего-то выжидая.

– Пятьдесят пенсов. Нет, сто! Любовь дороже всего стоит, – внезапно пошевелил он губами в такт голосу из колонок, обратив внимание Ричарда на себя.

– Боже, – разрыдался Бен. – Это наказание за мои грехи, – он опустил голову, все еще до конца не отдышавшись от приступа астмы. – Я знаю эту пьесу. Ее ставили в центральном театре. Я ведь мог играть в массовке. А пошел сюда. Решил съесть кусок покрупнее, – он захныкал.

В это время разбойники запели веселую бандитскую песню и все так же неуклюже танцевали вокруг принцессы.

Через некоторое время Бен все же успокоился. Ричард не понимал, как можно в такой ситуации полностью отдаться чувствам. У этого парня совсем нет инстинкта самосохранения. Все это время Ричард молчал и обдумывал план побега. В голову ничего не лезло. Буквально ничего. Оставалось надеяться только на везение, которого в этом проклятом месте нет. Еще раз попробовав вырваться и убедившись, что это бесполезно, он услышал голос Бена:

– С руками у тебя совсем беда. Может образоваться гангрена, – промычал Бен.

– Знаю, – задумчиво ответил Ричард.

Напоминания вызвали сильнейший зуд, такой что хотелось ладони сунуть в работающий блендер. Это не такой зуд, который, если не чесать, быстро проходит – скорее, наоборот. Такое чувство, что под кожей звенит миллион будильников, концентрированных в одной точке.

Дверь, находившаяся сбоку от Ричарда и позади Бена, заскрипела. Из-за проема выглядывал небольшого роста человек в черном капюшоне. Он наблюдал за ними, пока Ричард не обернулся и не обнаружил шпиона. Лицо рассмотреть не удалось, так как сразу же человек опустил голову и, пробежавшись, скрылся за поворотом коридора.

– Эй! – крикнул Ричард вслед.

Он был уверен, что это тот карлик, которого он увидел перед прослушиванием.

– Что? – Бен посмотрел на Ричарда и понял, что сообщение адресовано не ему. – Что там? – более испуганным голосом сказал он. Чтобы посмотреть на дверь, Бену было необходимо повернуть голову на сто восемьдесят градусов или сломать шею.

– Да ничего, показалось. – погрузившись в раздумья сказал Ричард.

## АКТ 3

“Каким же чудовищем нужно быть, чтобы организовать подобное кошунство?”, думал Ричард, наблюдая, как у разбойника в разгаре танца отвалилась рука. Видимо, была плохо привязана к манекену. Бен не реагировал и не отводил глаз от сцены. Казалось, он что-то знал, но не хотел говорить. На мгновение Ричард подумал, что Бену нравилось выступление. Но он не похож на тех, кто сидел в зале – в отличие от них, его лицо источало отчаяние и боль. Бен еще пытался освободить конечности от пут. Ничего не получалось. Хоть бы на миллиметр продвинуться. Нет. Веревки крепко держали его в петле. Есть моменты, когда хоть какое дыхание не открывай – ничего не получится. Паршивое чувство.

Сцена с бандитами длилась недолго. За это время Ричард несколько раз оборачивался на пустой дверной проем. Сцена закончилась и кулисы закрылись. Тусклый свет фонарей осветил декорации. Выступавшие на сцене актеры разъехались по углам. Ричард и Бен переглянулись, ожидая худшего. Послышался топот, и из коридора вышло несколько человек. Половина из них убирала передвижные декорации за кулисы к кубообразным клеткам, которые, как подумал Ричард, нужны для последующих сцен. Один из них взял тело девушки, играющее роль Луизы, отсоединил его от рельс и потащил за собой через сцену к Ричарду и Бену. Коллектив работал слаженно, все заняты своим делом. За кулисами театр жил жизнью безответного безумия.

– Эй, ублюдки, отпустите нас! – закричал Бен.

В ответ никакой реакции. Его лицо сразу поменялось на такое, какое бывает обычно когда жалеешь о чем-то. Парень, что волок девушку по полу, проходя рядом с Ричардом и Беном, окинул их взглядом и крикнул: “Себастьян!”. Человек, которому адресовалось сообщение, стоял вплотную к актеру-бандиту, и тушью подводил его наполовину сгнившие брови. Он повернул голову и, сложив руки на груди, вздохнул, всем своим видом показывая – «Опять ты меня отвлекаешь!». Он дернул несколько раз головой, пытаясь избавиться от локона черных волос на лице. Человек, держащий труп девушки, поднял подбородок и направил его в сторону Ричарда и Бена, не отводя взгляда от Себастьяна, словно приказал подойти к ним. Не стоило Бену кричать. Хотелось орать во все горло, чтобы их освободили, но, приняв реальность, какой бы кошмарной она не была, они поняли, что теперь лучше молчать. Себастьян грациозно двинулся к ним, а парень, недовольно махнув головой, поволок девушку дальше. С первого взгляда определить пол Себастьяна не удалось. Хотя, какое это имело значение?

– Ага, вот и вы, простите, не узнал ваши милые мордашки среди других. Как проходит выступление? – не придавая ничему значения, он достал кисть.

Отвечать Ричард не стал. Себастьян пальцем вытер его заслезившиеся глаза и кистью подвел контур глаз. Прищурившись, он легкими мазками, точно, как художник, что вырисовывает портрет своей возлюбленной, кистью проводил по его ресницам.

– Не дергайся, – сказал он.

Ричард чувствовал себя куклой, которую в любой момент могут разобрать на части. Себастьян щелкнул колпачком от туши и спрятал ее в карман на поясе. Из-за спины он достал кисть потолще. Себастьян прошелся ею по лицу говоря женоподобным голосом:

– Вам еще выступать, меньше слез – от них грим портится, – моргнув глазами так, как обычно моргают новорожденным детям, он дал понять, что закончил. Его черные как две бездны глаза утопали в ехидности. Хотелось навсегда убрать эту наглую ухмылку с его мерзкого наполовину мужского лица. Устоять перед искушением плюнуть в эту морду не мог бы самый принципиальный человек, включая и Ричарда.

– Пошел ты, пидор обдолбанный, – он уже собрал нужное количество слюны на языке, но удар ладонью по щеке дал ему плюнуть в другую сторону, отчего несколько капель попали на Бена.

– Не смей! – он оттопырил указательный палец и пригрозил им.

Тьма локона волос на лице сливалась с безумием его широких зрачков.

– Скажи спасибо, что ты выступаешь, дорогуша, – он посмотрел на Бена.

– Бери пример с толстячка и помалкивай, – он спрятал локон за ухо и подошел к Бену.

Тот затрясся при виде черных как смоль глаз и худого тела. Себастьян вплотную приблизился к его лицу. Бен закрыл глаза и с каждым вдохом вспоминал, как над ним издевались в школе. Кистью потолще он прошелся по его лицу, будто стряхивая пыль.

– Ты мне нравишься, – сказал он ему на ухо, и Бен зажмурился сильнее. Себастьян схватился за бок пояса и вынул из него небольшой нож, не отводя глаз от Бена.

– Открой глаза, – сказал Себастьян. Он взял нож двумя пальцами и пошевелил им как маятником на нитке. Бен его не слышал, он находился в мире воспоминаний, где, зажмурившись, можно избавиться от проблем.

– Открой глаза! – крикнул Себастьян. Кошмарная реальность заставила его прийти в себя. Бен увидел нож и заскулил, как щенок, стараясь отдалить голову от него. Но Себастьян приближал холодное оружие к голове бедняги, пока не коснулся лба.

– Успокойся, это всего лишь нож, – улыбнулся он. Казалось, что у Бена опять начинается приступ. – Все хорошо, Бен, ты станешь лучшим актером. – продолжал Себастьян.

Только Ричард открыл рот чтобы закричать «Отвали от него, тварь!», как передумал, увидев отблеск света на лезвии ножа. Сейчас он не в том положении, чтобы хоть как-то помочь. Себастьян повел плоской стороной лезвия ото лба вниз по щеке, потом по шее и груди. Зрачки Бена следили за острием, отчего казалось, что глазные яблоки повернутся обратной стороной. Добравшись до живота, он остановился. Бен на вдохе втянул живот, но нож не отставал, так что на выдохе он бы проткнул его тело. От страха он еще больше старался убрать пузо от опасной стали, отчего кишечник сводило мучительным ноем тошноты.

– Мы оба знаем, что рано или поздно ты это сделаешь, выдыхай, – сказал Себастьян, приставив нож в упор животу. Бен молчал, издавая лишь потрескивающие звуки слюны проходящей через зубы.

– Из тебя вышел бы хороший пантомим, – он отрезал несколько нитей на одежде Бена и повернулся. – Удачного выступления, Ричард.

Себастьян скрылся за дверным проемом в коридор. Конкретика сбила Ричарда с толку, он расценил это как угрозу, и пожалел, что не промолчал. Бен все еще напряженно дышал сквозь зубы.

– Черт, чем я такое заслужил? – он посмотрел вверх, словно обращаясь к Богу.

– Никто такого не заслуживает. Возьми себя в руки, нужно думать, как отсюда выбраться, – заявил Ричард.

– Это невозможно, я точно не... – Бен хотел что-то сказать, но замолчал, заметив, как тело Луизы волокут обратно.

Она одета по-другому. Это было старое тряпичное платье, в которое, видимо, по сюжету пьесы ее переодели разбойники. Парень, что ее тащил, положил тело в одну из клеток, стоявших за кулисами. Работники театра один за другим стали расходиться. Себастьян выскочил из дверного проема и подбежал к девушке. Он достал нож и начал ковырять им ее лицо. Со всей злобой он резал кожу, что-то бормоча под нос, пока рот не превратился в мерзкое месиво. После он встал и, подмигнув то ли Ричарду, то ли Бену, ушел.

– Вот ведь больной убудок, – заявил Ричард, заметив разорванный рот девушки, и от такого зрелища отвернулся на задумчивого Бена. Задумчивость – это не та реакция, которую он ожидал от столь ранимого человека. “Может, это эмоциональный шок”, подумал он и решил окликнуть приятеля, чтобы хоть как-то отвлечь его от хаоса, творящегося в голове. Бен не отреагировал.

– Черт, я знал, – словно озаренный промолвил Бен. – Мы спасемся, спасемся! Та девушка в клетке, перед тем, как ее переодеть, ее отвязали от этой хреновины. – Бен говорил, вселяя доверие, но Ричарду было непонятно, к чему он клонит. – Я знаю эту пьесу. Сейчас идет третий акт, так как Луизу переодели бандиты. Если по сюжету, – Ричард заметил, как Бену неприятно говорить подобными терминами в контексте происходящего, и в этом они были полностью солидарны. – Мы играем братьев Гримбси, то нам немного повезло. В шестом акте наших персонажей будут переодевать. Им придется нас развязать и снять старые лохмотья, тут то мы и ударим, – Ричард представил давно забытый им мультик из детства, правда, он не помнил какой.

– Мы ведь не в сказке, это ни за что не сработает. Мы в странном театре, где тела людей используют в качестве кукол. Думаешь, они не догадаются что мы захотим убежать?

– А что, если притворится мертвым?

– Нет, – Ричард усмехнулся, но ухмылка быстро спала. – Наверняка, кто-то догадается воткнуть нож в руку, и плану конец.

– Они же психи. Моя бабушка вот, думала, что я погиб в аварии, потому что был невнимателен за рулем, а в мое тело поселился совершенно другой человек. Может, и с ними так же.

– Идея безумная, но что нам еще остается, – немного подумав заявил Ричард, и его ладони снова зачесались. “В противном случае, нас убьют после пьесы”, подумал он.

– Забавно, у меня ведь даже автомобиля нет, – Бен опустил голову.

– Ты прав, шансов у нас будет гораздо больше с развязанными руками. Черт, если бы я только знал, куда все повернется.

– Да, это точно она, – сказал Бен и, увидев, как с другой стороны кулис выносят реквизит, затих.

Фон сцены обставили забитыми книжными полками, стол со стопкой бумаг и печатной машинкой – по центру сцены, несколько рыцарских лат – по бокам, а к стене прикрепили герб в виде щита и двух скрещенных мечей. Когда рабочие покинули сцену, разговор вновь возобновился.

– Осталось только надеяться, что мы играем главные роли, братьев Гримбси, – заявил Бен.

– Луиза по сюжету – девушка одного из братьев?

Ричард не верил, что обсуждает сейчас сюжет пьесы.

– Да.

– Значит я играю одну из главных ролей.

– Я понял, отлично, ты младший, – Бен замер от аплодисментов, которых раньше не слышал.

Веревки накручивались на барабан и кулисы распахнулись. Манекены все еще стояли на месте. По лицу Бена было не понятно – хотел он двинуться на сцену или пусть лучше кто-то другой играл бы роль второго брата. Одно было видно точно – он боялся.

Пианино заиграло мерзкой октавой и свет на сцене приобрел тусклые оттенки. Ноги Бена завибрировали. Его выбрали. Он не понимал, как реагировать, поэтому просто закричал. Но не от страха или безумия, а... Если честно, Бен сам не знал, почему кричал. Голос из колонок запел басом и Бен выехал на сцену.

– Боже, нет, что там? Куда я еду? – Бен адресовал это Ричарду, который пытался его успокоить. Он приближался к столу в центре сцены, словно к циркулярной пиле, которая бы раскромсала его тело. Он повернулся к сцене, его челюсть больше не могла держаться.

– Любовь неразделенная моя, – руки Бена распахнулись, словно хотели обнять весь мир. – Где-то в вечности летает. Не передать словами что я чувствую когда вижу вместе их. – Бен остановился возле стола и предстал перед предвкушающими зрителями во всей красоте. Баритон казался слишком громким, уши болели, но публика наслаждалась.

– Ради нее готов на все, на все! – Бен ударил по столу, стопка бумаг подскочила и обвалилась. Бен стиснул зубы от боли – он сломал палец о край печатной машинки. На сцене появился Ричард.

– Брат, помоги мне, любовь всей моей жизни защитить, – его тело неуклюже повертело руками. – Луиза, ее захватила шайка разбойников Барона, – он подъехал к Бену и положил ему руку на плечо.

– Ричард. Я не смогу. Это какое-то безумие. Меня вообще не должно здесь быть, почему? Почему я? Эти... лица... Я не могу, они смотрят, – он кричал, но «сотрудники театра» не реагировали. Их и не было вовсе, они пропали и, видимо, пустили сцену на самотек.

– Бен, обещаю, мы сбежим, – сказал Ричард, не веря ни единому своему слову.

– Как ты мог позволить этому случиться? Сейчас же созываю на поиски людей, – сказал голос.

Персонаж Бена оттолкнул Ричарда и скрылся за кулисами. Свет погас так же быстро, как оборвалась музыка. Теряющиеся в темноте стоны Бена создавали иллюзию нахождения в истории ужасов. Только вот осознание, что все происходило в реальности, вызывало нечто вроде судорог в коленях. Шестеренки зашумели, послышались шаги – они то приближались, то отдалялись. Ричарду казалось, что в любой момент во тьме раздастся удар под дых. Или острие ножа пройдет по его горлу. Он махал головой, уклоняясь от опасности, и в то же время понимал, что это не поможет. Бен замолк. В любой момент он умрет. Вот, вот, только не сейчас. Скрежет металла обдирает уши.

“Что это? Что с Беном? Почему я его не слышу? Они убили его? Они слышали, что мы планировали сбежать? А вдруг они решили от нас избавиться?” – скрежет приближался. Он не столько боялся умереть, сколько продолжать выступать на сцене мертвецом. Только подумать – твое тело на потеху больным ублюдкам, считающим это искусством. Ричард попробовал вырваться – не получилось. Он прислушался в надежде услышать стоны Бена, но скрежет обрывал его стремление. Теперь все происходило у него в голове. Это всего лишь пьеса. Это не по-настоящему. Ох, как бы ему хотелось, чтобы это было так. “Господи, ты есть, я знаю, позволь выбраться отсюда, я больше никогда не буду делать плохие вещи. Я знаю, я во многом перед тобой виноват, я всего лишь хочу жить спокойно”. Ричард вспомнил все разы как он срывался на свою мать. Как он не пришел в больницу, когда нужно было сказать всего пару слов, чтобы мама ушла спокойно на тот свет. Как он плакал и винил себя на ее похоронах.

Он старался найти причину попадания в Ад и, возможно, нашел. “Нужно было лишь сказать, что я люблю ее, это все, что от меня требовалось”, говорил он про себя, мысленно перемещаясь в больницу, как щелкнул свет. Напротив стоял Бен. Они опять за кулисами. На сцене стояла металлическая клетка с телом Луизы внутри.

“Почему ты мне не сказал, что там полный зал извращенцев? Какого хрена они просто сидят и смотрят? Ты посмотри на это – мы в логове чертовых психов. Я не думал... я не думал, что все так плохо. Нам не выбраться”.

– Твой план срывается, ждем шестого акта. – прошипел Ричард.

Рядом с ними проехал один из бандитов и остановился возле Бена своим зловонием вызывая приступ тошноты.

– Нет, я не хочу умирать! – закричал он.

– Бен, – окликнул его Ричард.

– Нет! – крикнул он, как капризный ребенок, которому суют ложку с кашей в рот. – Ничего у нас не получится, сдохнем тут, как и все эти люди, – он посмотрел на разбойника рядом.

– Бен! – крикнул Ричард, и вспомнил, что в любой момент может случиться приступ астмы. Наверное, не стоило лишний раз его напрягать. Но сейчас Ричарда меньше всего заботила астма.

– Твою мать, Бен, просто посмотри, – сказал Ричард и Бен повернул на него голову. Он указал глазами на саблю за поясом бандита рядом с рукой Бена.

– Сможешь дотянуться? – спросил Ричард и огляделся. Никого из работников в поле его зрения нет. “Пока сцена идет, надеюсь, они не заявятся”, подумал он.

– Рук не чувствую, – Бен еле пошевелил мизинцем.

– Постарайся, пожалуйста, – умолял Ричард.

Бен попытался сжать пальцы в кулак – ничего. Дернулся лишь указательный. Со стороны это выглядело как попытки мысленно пошевелить пальцами отрезанной руки. Через некоторое время дернулся и средний. Получается! Он посмотрел на Ричарда, демонстрируя свои достижения.

– Давай, у тебя получится, – заявил Ричард. Он думал, что раз Бен не жаловался на зуд, значит с его руками все не так уж плохо. Во всяком случае, синеть они не начали. Наконец дернулся безымянный.

– Есть, – воскликнул Бен. Он сжимал и разжимал руку, словно держал в ней эспандер, и онемение частично прошло. Но не до конца – ладонь еще неприятно вибрировала. Бен с трудом повернул кисть, обвязанную веревкой, дав руке немного свободного места и, дергая кисть на себя, пытался вытащить ее – но ничего не вышло. Ладонь слишком толстая.

– Сосредоточься, – приказал Ричард.

Бен кивнул, несколько раз выдохнул и, сжав губы, потянулся к сабле. Пальцы Бена напряженно тряслись, так что согнуть их было бы сложно. Сабля совсем рядом. Нужно только дотянуться. “Боже, несколько сантиметров. Еще немного и он достанет”, думал Ричард. Глаза словно два шарика, казалось могли выкатиться из его глазниц в любой момент. Вот он уже коснулся рукояти сабли. Фаланга среднего пальца загнулась, еле ухватившись за меч. Сабля словно магнитилась к руке. Теперь и указательный загибается. Скользящие по рукояти пальцы оставляли мокрый след. Под мычание Бена безымянный тоже загнулся. Сухожилия на внешней части локтя, казалось, сейчас порвутся. Стиснув зубы, он продолжил тянуться, пока сабля, дрожащая от ладони Бена, не поддалась и не оказалась у него в кулаке. Бен с облегчением выдохнул. Утренние пробежки, чтобы сбросить вес не казались ему такими изнурительными как это испытание.

– Да! Да! – Бен обнажил свои зубы в улыбке и посмотрел на Ричарда. Ричард подыграл. Бен повернул кисть и вытащил саблю. Он вцепился в нее как в последнюю надежду на спасение, и, казалось, в потных руках она выскользнет, как мыло.

– Теперь попробуй перерезать веревки, – сказал Ричард. Кончиком сабли можно было перерезать веревки на плече, а потом и на кисти.

“Не так-то это просто, как может показаться на первый взгляд. Но если одна рука будет свободна, он с легкостью освободит себя, а потом меня, и тогда мы спасены”, думал он. Ричард уже начинал размышлять, что будет делать дальше – бежать к выходу или прятаться? Он не знал, но думал об этом.

– Бутафорщина, – раздался тонкий голосок. От неожиданности Бен выронил саблю и та с дребезгом упала на рельсы, издав звук, похожий на удар молота по наковальне. Рядом с ними стоял тот самый небольшого роста человек в капюшоне, которого некогда видел Ричард за дверным проемом.

## АКТ 4

Тянущийся на второй октаве сопрано Луизы восторгал зрителей. Ее голос окутал зал печалью, а рука, торчащая из клетки, тянулась к воспоминаниям беззаботной жизни. Женщина преклонного возраста с первого ряда прижимала платок к скулам, пропитывая его слезами. Видимо, она нашла частичку себя в Луизе. Поистине драматическая сцена. Но у кого-то есть дела поважнее.

Оцепеневшие пленники пялились на человека в капюшоне. Маленькая неизвестность, казалось таила в себе ужасы пострашнее нынешних. Человек со своим капюшоном создавал впечатление чего-то зловещего. Ричарду сразу показалось, что именно в нем кроется та самая необъяснимая загадка театра и ответ на вопрос, что тут происходит.

– Этим вам ремни не разрезать, – сказал человек.

Ричард и Бен переглянулись.

– Пошел к черту! – крикнул Бен.

– Не надо, – шепнул Ричард. Бен сразу смекнул, что стоит замолчать.

В ответ на это человек снял капюшон, под которым красовались длинные расчесанные волосы совсем еще невинной двенадцатилетней девочки. Маленький Ангел, которому принудительно режут крылья. Девочка подобрала саблю и поставила на место. То, как она бегала, вызывало только умиление. “Что она тут делает? Работает?”, удивился про себя Ричард.

– Папочка говорил мне, что разговаривать с куклами опасно, но я его не слушаю, – сказала она и посмотрела на них с опаской. Все же видно, что папочку она слушает. Ричард заметил синяки на ее шее и лице. Видно, как это место только начинало влиять на ее неокрепший разум.

– Мы не куклы, посмотри – мы живые, – возразил Ричард. Он уже не надеялся на постороннюю помощь. Но девочка поселила в него кроху надежды.

– Все вы так говорите, они тоже так говорили, – она уставилась на трупы, привязанные к манекенам.

– Разве куклы могут испытывать боль? Плакать или радоваться? – сказал Ричард. Нужно играть по ее правилам, подумал он.

– Имя, – ее глаза заблестели. – Куклы не имеют имени.

– Ричард.

– Бен, – Бен почувствовал себя немного глупо и подумал, что лучше бы он молчал. – Хорошо? Видишь, мы такие же живые, как и те люди в зале, как и ты.

– Но... Почему они там, а вы тут?

– Они нас сюда запихнули, прошу, помогите нам, мы не куклы.

– Если я вас освобожу, вы сбежите и меня накажут. К тому же, имена ты мог только что придумать.

– Боже, – Ричард поднял голову вверх и закрыл глаза. Девочка промолчала, уставившись на рельсы. Она ухватила за свою руку чуть выше локтя.

– Вам действительно больно? – спросила она, и ее коленки затряслись. Они оба промолчали.

Девочка посмотрела по сторонам, а потом оглянулась. Никого не было. Она подбежала к Ричарду и немного разжала ремень на левой руке. Ричард опустил голову и скривил печальную гримасу, а у самого внутри ядерный реактор, в любой момент готовый взорваться. Потом на правой. Закованные куски мяса начали оживать. Она повернулась к Бену.

– Ты держал саблю, значит с тобой все в порядке, – говорила она, поправляя тюрбан, который постоянно слетал с его головы.

– Сейчас опять ваш выход, – она подошла к Ричарду ближе. – Не бойся, у тебя все получится.

В голове Ричарда роились вопросы, которые не давал задать страх и хаос в сознании.

– Меня зовут Алиса, – она отвернулась и вприпрыжку побежала за дверь.

Кровь начала циркулировать по конечностям. Отек начал сходить, и рука приобрела красный цвет. Всяко лучше, чем синий. Ричард наконец смог пошевелить пальцем. Вместе с этим появилась вибрация словно под кожей рук кишели кузнечики.

– Что это было? – спросил Бен.

– Не знаю, но теперь я могу шевелить руками, – Ричард дернул рукой, но освободиться не получилось. Пальцами он потянулся к кисти, и, еле-еле коснувшись связывающей его веревки, бросил эту затею. Не получится как не крути. Это место напрочь убивало силу воли. Можно было сломать себе кисть или вырвать руку с кожей и мясом, но получилось бы это только имея ты зверское, животное стремление спастись. В таком месте как это, терять человечность опасно и губительно для жизни.

– Может девочку держат тут насильно? Видел эти синяки? – спросил Ричард.

– После того, что я увидел там, – Бен показал глазами на сцену. – Я понял, что эта шайка непредсказуема, мало ли в какие они игры играют?

– Только не маленькая девочка. Она помогла. Значит в отличии от других, у нее есть эмпатия, – Ричард задумчиво отвернулся.

– Боже, мы находимся в театре, тут у всех эмпатия, – сказал Бен и посмотрел на саблю, лежавшую на том же месте, откуда он ее взял.

Девушка на сцене все еще пела и впервые Ричард услышал в этом красоту. Она не была связана с выступлением и мертвыми телами, просто девушка красиво пела. Видимо, его истощенный мозг хоть где-то искал утешения раз он смог увидеть проблеск света среди мрака. Ричард оправдывался перед собой и наблюдал, как на другой стороне закулисья выносят реквизит в виде людей, облаченных в легкие доспехи с выгравированным гербом на корпусе. Их подсоединяли к рельсам, поправляли одежду под доспехами и гримировали.

“Сколько тут еще “актеров”?”, спросил сам себя Ричард. Число, которое пришло в голову испугало его. Рядом с ними по рельсам пронесли тела мертвых людей. Один за другим, они выезжали на сцену под видом разбойников и что-то пели. Все мертвы. Мертвы. Столько жизней они забрали для этой мелодраматической пьесы, и сколько еще заберут. Вот оно, сущее зло, не имеющее смысла. “Ты избранный!” – слова Картера мелькнули в голове. От мысли, что он стал избранным в этом извращении, ему стало плохо и он проблевался. Он решил, что не стоит больше об этом думать. “Это знак свыше, я полез не туда. Совершил мыслепреступление.”

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.